

Войдя в дом, Ли Тан первым делом позвонил маме и сообщил, что сегодня вечером он не вернется домой.

— Дождь слишком сильный, машин на дороге почти нет. Дороги в старом районе города в трещинах, очень опасно. Передай дяде Суню, чтобы он не приезжал за мной... Я у одноклассника, его семья живет рядом со школой... Папа уже уехал?

Узнав, что Ли Юаньшань днем улетел в столицу, Ли Тан успокоился:

— Кстати, мама, а ты знаешь, почему папа сегодня утром ходил в школу к учителю? Что-то случилось?

На другом конце провода Чжан Чжаоюэ помолчала, прежде чем ответить:

— Я тоже не совсем уверена. Речь, должно быть, о твоей ситуации в школе.

Повесив трубку, Ли Тан поднял глаза и увидел, как Цзян Лу наполняет резиновую емкость свежеекипяченной водой.

Наполнив ее до краев, сверху закрыл крышку, плотно запечатал и Цзян Лу протянул емкость, похожую на винный бурдюк, Ли Тану:

— Возьми.

Ли Тан взял ее, почувствовав тепло в руке, и понял, что это грелка.

Ли Тан впервые пользовался такой старомодной грелкой и с любопытством потрогал ее всю, царапая ногтями резиновые выступы, предотвращающие скольжение. Он спросил Цзян Лу:

— Ты используешь ее, чтобы согреться зимой?

Цзян Лу наполнил водой еще один горшок и поставил его на нагревательную подставку.

— Мне не нужно греться. Мне его дал владелец магазина, потому что не смог его продать.

Взглянув на руки Ли Тана, крепко обхватившие грелку, он добавил:

— Ей много лет не пользовались. Не держи ее слишком крепко, она может взорваться.

Испугавшись, Ли Тан тут же ослабил хватку, положил грелку себе на колени, осторожно

прижал к ней руку и время от времени переворачивал ее, бережно впитывая ее тепло.

Вскоре он проголодался, ведь Ли Тан ел только сладкую вату, что, по сути, не было ужином.

Из-за ужасной погоды было неудобно выходить из дома за едой, а в доме Цзян Лу была только лапша быстрого приготовления. Ли Тан съел полный рот лапши, а затем закусил холодным шашлычком, обливаясь потом от остроты.

После еды он занялся физической активностью, надев боксерские перчатки, чтобы ударить мешок с песком. Несмотря на то, что Ли Тан приспособился к беговым упражнениям, его сила, похоже, не сильно увеличилась. Он ударил кулаком по мешку с песком, но тот остался неподвижным, что повергло его в уныние.

Цзян Лу подошел и показал ему, как сначала принять боевую стойку, то есть, встать, расставив ноги на ширине плеч, слегка покачиваясь вперед и назад, подняв кулаки на высоту плеч, согнув локти, защищая ребра.

— Вот так? — Ли Тан втянул живот и грудь, изображая свирепый взгляд, предназначенный для атаки.

Но Цзян Лу воспринял это лишь как милую агрессию. Он усмехнулся и сказал:

— Да, именно так. Теперь оттолкнись от ноги, которая позади, используя поясницу как ведущую силу для плеч, а плечами вытолкни кулак вперед, как пружину, выпрямляя руку. Крепко сожми кулак в момент удара, чтобы увеличить скорость.

Ли Тан почувствовал, как его кровь закипает от энтузиазма, и с нетерпением нанес удар, следуя указаниям Цзян Лу.

Бах.

Мешок с песком слегка качнулся и вернулся в исходное положение.

Ли Тан был в восторге:

— Он сдвинулся! Он сдвинулся!

Затем Цзян Лу научил его наносить хуки и апперкоты, объяснив, что физическая подготовка имеет первостепенное значение в бою. Без выносливости изучение многочисленных приемов было бы бесполезно.

Ли Тан какое-то время тренировался на мешке с песком, постепенно находя это скучным. Он огляделся и, проведя серию прямых ударов, резко развернулся, намереваясь провести хук сбоку.

Это было просто игрой, без особой силы, да и техника его была не отточена. Цзян Лу краем глаза заметил, как кто-то «подкрадывается». Он переместил свое тело, оставив Ли Тана хвататься за воздух.

Однако это пробудило боевой дух Ли Тана. Он развернулся и провел прямой хук, но Цзян Лу поймал его кулак в середине замаха поднятой рукой. Развернувшись и бросив его, Ли Тан оказался развернут на 360 градусов, прижатым к плечу в сковывающей позе, не давая возможности пошевелиться.

Ли Тан ахнул от боли:

— Ты жульничаешь, это борцовский прием.

Цзян Лу отпустил его и рассмеялся, сказав:

— Я не договорил. В бою самое главное — сохранять спокойствие и уметь гибко адаптироваться.

Другими словами, Ли Тан не был ни спокойным, ни гибким, проще говоря, ему не хватало остроты ума.

Разочарованный Ли Тан снял боксерские перчатки, вернулся к столу, разложил рабочую тетрадь и начал делать домашнее задание.

Он работал над домашним заданием по английскому, как будто демонстрируя это действием:

— У меня тоже есть вещи, в которых я хорош, я суперумный.

Его внимание длилось лишь короткое время, а затем он переключилось на что-то другое.

Цзян Лу переодевался.

Ли Тан, попав под дождь, был одет в теплую одежду, промок только пуховик. Цзян Лу был одет в тонкую куртку, и, сняв ее, Ли Тан увидел, что его белая футболка под ней промокла, и по ней расползлись темные пятна.

Пока Ли Тан переживал, не простудится ли он, Цзян Лу схватился за край футболки обеими

руками и поднял руки. Перед глазами Ли Тана внезапно предстало большое пространство плоти.

Ли Тан рефлекторно отвел взгляд, думая, что это только привлечет к нему еще больше внимания, поэтому он повернулся, смело глядя.

На самом деле он уже видел это раньше в боксерском зале, но в тот момент внимание Ли Тана было приковано к травмам Цзян Лу, и он не мог обращать внимания ни на что другое.

Теперь, при ярком освещении, картина стала более подходящей для оценки: Цзян Лу стоял без рубашки, его широкие плечи были покрыты равномерно распределенными мышцами, которые волнообразно перекачивались при каждом движении. Линии его рук были слегка напряжены, талия и живот узкие, но мощные, пресс четко очерчен, но не чрезмерно. В сочетании с бледной кожей изображение было поразительно выразительным и приятным для глаз.

Глядя на него, можно было представить, насколько ослепителен он на боксерской сцене. Молодых людей в башне из слоновой кости часто описывают как орлов, готовых расправить крылья, но это описание не подходит Цзян Лу, вернее, этого недостаточно.

Цзян Лу был быстрее всех остальных, не будучи запертым в тепличной атмосфере кампуса. Он был подобен могучему льву, и даже просто стоя среди людей, другие сразу понимали, что он сильнейший и лучший из них.

Неудивительно, что он стал мечтой стольких.

Когда встречает такого человека в юности, он может почувствовать утрату независимо от того, с кем он окажется позже.

Ли Тан почувствовал себя счастливым, поскольку ему удалось пройти рядом с Цзян Лу последний отрезок тьмы перед их трансформацией.

Намеренное наблюдение постепенно переросло в чистое восхищение. Ли Тан наблюдал, как Цзян Лу надевает чистую футболку, и спросил:

— Ты замерз?

Цзян Лу обернулся, слегка приподняв брови, по-видимому, недоумевая, почему Ли Тан сегодня не смутился.

Подойдя ближе, Цзян Лу наклонился и обнял Ли Тана сзади.

Грудь прижата к позвоночнику, подбородок покоится на плечевой впадине, два сердца бьются

близко друг к другу.

Ли Тан услышал, как Цзян Лу сказал:

— Больше не холодно.

Позже вечером свет погасили для отдыха.

Ли Тан обычно принимал душ каждый день, но сегодня, не приняв душ, он чувствовал себя не в своей тарелке. Ближе к полуночи он обнаружил, что ему совершенно не хочется спать.

Конечно, это также могло быть связано с присутствием кого-то, лежащего рядом.

Ли Тан был знаком с постами на форумах, описывающими «делишки» в постели, и знал, что происходит между мужчинами. Так неужели Цзян Лу не проявлял к нему интереса? Иначе как он мог спать так крепко и дышать так ровно?

Перевернувшись на бок лицом к стене, Ли Тан снова задумался: заделал ли Цзян Лу трещины в стенах дома? Если нет, то не заползут ли тараканы? Цзян Лу как-то упомянул, что зимой тараканы просто менее активны.

Чем больше он об этом думал, тем больше он беспокоился. Ли Тан осторожно полез под подушку за телефоном, и экран загорелся.

Открыв поисковую строку Baidu, он как раз набирал «как противостоять тараканам при встрече лицом к лицу», когда человек рядом с ним внезапно зашевелился. Лампа на прикроватной тумбочке замигала, отбрасывая теплый свет на стену.

Повернув голову, Ли Тан увидел, что Цзян Лу сидит и смотрит на него с ноткой беспомощности.

— Если не можешь заснуть, вставай. Играть с телефоном в темноте вредно для глаз.

Ли Тан тоже сел:

— Я тебя разбудил?

Цзян Лу покачал головой:

— Во-первых, я не спал.

— Почему ты не можешь уснуть?

— Как сам думаешь?

Сердце Ли Тана внезапно забилося.

«Может ли это быть... из-за меня?»

Прежде чем Ли Тан успел спросить, Цзян Лу потер виски и взял книгу с прикроватного столика.

Это был Граф Монте-Кристо, книга, которую Ли Тан носил с собой в последнее время.

Открыв ее, он обнаружил внутри нарисованную от руки диаграмму взаимоотношений персонажей со сложной сетью стрелок, пузырьков и квадратов, свидетельствующую о кропотливой работе.

Однако Цзян Лу рассмеялся.

Ли Тан решил, что смеется над его глупостью, из-за которой ему пришлось делать заметки во время чтения романа. Смутившись, он вытащил наушники и воткнул их в уши, игнорируя все вокруг ради тишины и покоя.

Не прошло и пяти минут, как он, шурша, обернулся и выжидающе посмотрел на Цзян Лу.

— ...Хочешь послушать музыку?

Ли Тан поделился своим правым наушником с Цзян Лу, а затем открыл созданный им плейлист.

Воспользовавшись окончанием Рождества, он воспроизвел свою любимую рождественскую песню. Конечно, была и другая причина: он всегда считал, что эта песня обладает священным, церемониальным смыслом, словно ее следовало исполнять в церкви во время венчания.

Особенно когда слова дошли до...

Потому что все эльфы Санты никогда не могли,

Сделай мне подарок, что лучше

Чем эта ночь с тобой,

Не хочу чего-то нового

Я просто хочу тебя.

Когда прозвучала последняя строчка, Ли Тан, явно растроганный, поднял глаза. Он увидел Цзян Лу в одном наушнике, пристально смотрящего на него.

Поцелуи стали телепатическими, как будто две пары губ были притянуты друг к другу невидимой силой гравитации.

За окном продолжал идти дождь, но зима в Суйчэне была бесснежной.

Но Ли Тан больше не чувствовал сожалений, обнял Цзян Лу за шею, снял с него наушники и наклонился к нему, чтобы дать обещание:

— Мы сможем быть вместе на следующее Рождество?

В ответ Цзян Лу тихонько усмехнулся и услышал двусмысленный, но полный надежды ответ:

— Решать тебе.

После Рождества наступил Григорианский Новый год.

Новогодняя вечеринка в старшей школе Суйчэна прошла в школьном спортзале 31 декабря и была открыта для всех учащихся, за исключением старшеклассников, сдающих вступительные экзамены.

Под лозунгом «последнего карнавала школьной жизни» ученики поспешили занять места, как только двери спортзала открылись после 14:00.

Даже за места за кулисами приходилось бороться. Ли Тан прибыл за кулисы в половине третьего, подгоняемый настойчивыми призывами Су Циньхань, и к тому времени, как она закончила одеваться и нанесла макияж, он уже почти задремал, прислонившись к стене.

Разбуженный Су Циньхань, Ли Тан сонно принял протянутую ему одежду и нашел пустую примерочную, чтобы переодеться.

Поначалу он не собирался устраивать такой шум, но Су Циньхань настояла на том, чтобы арендовать смокинг и для него, мотивируя это тем, что «это моя сцена, и я не позволю на ней

появиться чему-то уродливому».

Ли Тан медленно надел белую рубашку и черный смокинг. Рубашка сидела не совсем идеально, рукава были длинноваты. Чтобы не было видны белые манжеты, Ли Тан застегнул запонки.

Когда его пальцы коснулись костей запястья, Ли Тан вдруг вспомнил, что прошло уже много времени с тех пор, как там появлялись новые раны.

Это означало, что в последнее время он был спокоен и уравновешен, даже радостен, и не испытывал никакой тревоги или невыносимой боли, от которой нельзя было бы избавиться.

Даже следы от предыдущих ран заметно побледнели. Ли Тан погладил гладкую кожу на запястье, невольно улыбнувшись.

Причина таких изменений очевидна.

Переодевшись, он поправил волосы перед зеркалом, его глаза сияли уверенностью, он думал о том, что отражение в зеркале не должно принижать представление Су Циньхань о красоте.

Выходя из раздевалки, Ли Тан краем глаза заметил чью-то фигуру.

Это был мальчик, показавшийся ему знакомым. Он подозрительно маячил перед раздевалкой, дверь которой была слегка приоткрыта. Он просовывал телефон в щель.

Ли Тан вспомнил, что внутри находились несколько девушек, исполнявших танцевальные номера и переодевавшихся.

То, что делал мальчик, было ясно.

Такая ситуация не оставляла места для колебаний. Опасаясь, что ему удастся сделать снимки, Ли Тан ускорил шаг и изменил направление, направившись в сторону примерочной.

Услышав шаги, мальчик поспешно схватил телефон и сунул его в карман, отвернулся, чтобы прикрыться, и несколько раз кашлянул, бросив на Ли Тана сердитый взгляд с выражением человека, чье веселье было прервано.

Ли Тан на мгновение замер.

Он узнал мальчика по имени Чэнь Чжэнъян из соседнего 2-го класса, который ранее вторил классному представителю по физкультуре, высмеивая Цзян Лу, называя его «глухим братом» на караоке.

Этот инцидент перед выступлением был быстро забыт Ли Таном.

Поскольку до их выхода на сцену оставалось всего полчаса, его больше беспокоило, есть ли среди зрителей Цзян Лу.

Сегодня были новогодние праздники, и Ли Тан в полдень написал Цзян Лу, спрашивая, придет ли он. Цзян Лу ответил неуверенно, сказав, что это зависит от расписания матчей в боксерском зале.

Без новостей он, скорее всего, не дотянет.

Достав телефон, чтобы проверить время, Ли Тан разочарованно погасил экран, и как раз когда он собирался убрать телефон обратно в карман, тот внезапно завибрировал у него в ладони.

Это был звонок от Цзян Лу.

Отвечая, без лишних слов, Цзян Лу лишь сказал:

— Восточные ворота спортзала, выходи.

Ли Тан практически выбежал, по пути услышав смех и аплодисменты из зала, которые стали красивой фоновой музыкой.

Восточные ворота находились рядом с закулисной зоной и после начала вечеринки остались без охраны. Ли Тан распахнул тяжелую двойную пружинную дверь, и когда холодный ветер ворвался внутрь, он сразу же заметил Цзян Лу, стоящего под ближайшим уличным фонарем.

Сегодня он был не в школьной форме. Обычная кожаная куртка сидела на нем исключительно хорошо, такие же черные брюки обтягивали его стройные ноги. Он просто стоял там и приковывал взгляд.

Время от времени мимо проходили учителя и ученики, и Ли Тан сдерживал себя, чтобы не броситься обнимать его.

Сделав глубокий вдох, чтобы восстановить дыхание, Ли Тан спросил:

— Ты победил?

Цзян Лу не ожидал, что его это первым заинтересует, и, засмеявшись, сказал:

— Угадай.

— Думаю, ты выиграл.

— Поздравляю, ты угадал.

В эту зимнюю ночь горы и небо вдали слились в единое полотно. Уличный фонарь отбрасывал на землю косые тени двух тесно прижавшихся друг к другу фигур, сливаясь в единое целое.

Времени было мало, и Ли Тан сначала подтвердил физическое состояние Цзян Лу. По крайней мере, судя по обнаженным органам и коже, он, похоже, не получил никаких травм.

Затем он сказал:

— Место номер 9 в третьем ряду, я попросил классного руководителя приберечь его для тебя.

Это было не самое центральное место, но оно было близко к фортепиано.

Ли Тан опустил веки, предвкушая, предстоящее выступление:

— ...Ты, наверное, не слышал, как я играю на фортепиано, да?

— Слышал, — сказал Цзян Лу.

— А? — Ли Тан поднял взгляд и быстро сообразил: — Ты тоже пробирался в здание, чтобы подслушать?

Многие знали, что Су Циньхань попросила Ли Тана аккомпанировать ей на фортепиано. С тех пор, как они начали заниматься на уроках физкультуры в прошлом месяце, любопытные одноклассники часто пробирались в класс музыки, чтобы понаблюдать за ними.

В ответ на это разумное предположение Цзян Лу лишь улыбнулся, не произнеся ни слова.

Да, он подслушивал, но не в здании общеобразовательной школы Сюйчэн.

И это произошло не в этом году.

Так что да, но и нет, на этот вопрос он ответить не мог.